Глава 31. Короткая сцена

Как и следовало ожидать, режиссёр не спешил одаривать актёров готовым сценарием. Каждое его задание превращалось в испытание: детям предлагали сыграть конкретный эпизод, не раскрывая общей картины. Но любой профессионал знает — без понимания контекста невозможно полностью прочувствовать героя, а значит, и достоверно воплотить его на экране.

К счастью, Бенсон снимал хронологически. История крутилась вокруг семерых сверстников из одной деревни. В один чёрный день на их дом обрушилось бедствие — неведомый вирус выкосил почти всех жителей. Лекарства не существовало, и лишь этим семерым детям чудом удалось сохранить здоровье.

И вот однажды в деревне появился чужак. Он объявил: спасение и искупление ждут их на западе. Но путь туда тернист, и если они дрогнут, то погибнут сами, погубив и надежду своих односельчан.

Семёрка стояла перед камерами. Одетые в обноски, с лицами, искусно загримированными под измождённых от голода сирот, они ничем не отличались от настоящих обитателей нищей, забытой богом глуши.

— Благодать Господня прольётся на эти земли, — провозгласил незнакомец. Облачённый в чёрную рясу, он сжимал в руках распятие. Благоговейно поцеловав крест, он посмотрел в небо. — Тьма рассеется, и первый луч надежды коснётся каждого из вас.

Реакция детей должна была быть разной. Кино — это не жизнь; здесь они боролись не только за выживание в кадре, но и за место под софитами. Каждый понимал: от того, как он проявит себя сейчас, зависит, станет ли его герой ключевым персонажем или останется массовкой.

Трое детей тут же сложили ладони у груди, глядя на незнакомца с абсолютным почтением. Среди них были Даниэль и Линна. Однако играли они по-разному. Если Даниэль воплощал безраздельную, чистую веру, то Линна, при всей своей набожности, смотрела с любопытством — то самое живое любопытство ребёнка, столкнувшегося с чем-то невиданным.

Ни реплик, ни чётких указаний — только импровизация на основе того, что они уже успели отснять. Ошибка в словах могла разрушить образ, но режиссёр требовал главного: никакой «игры». В кадре должна была быть жизнь.

— А кто такой Господь? — раздался тонкий, ломкий голосок.

Это была Лилиан, самая младшая в группе. В руках она сжимала куклу — когда-то нарядную, но теперь до неузнаваемости грязную и обветшалую. По задумке режиссёра, эту куклу ей подарил отец, уехавший на заработки и так и не вернувшийся. Игрушка была её единственным утешением.

Карлос и остальные знали историю этой куклы. Лилиан принесла её из дома — красивую, дорогую вещь. Когда Бенсон заметил, что в нищей деревне у ребёнка не может быть такой роскоши, шестилетняя девочка, не моргнув глазом, швырнула любимицу в липкую грязь, а потом прижала испачканную игрушку к себе. Эта профессиональная смелость поразила всю съёмочную группу.

Поэтому сейчас, когда Лилиан задала свой наивный вопрос, никто не посмел усмехнуться. Спросить «кто такой Господь» в этой среде было почти кощунством, но в устах Лилиан это звучало настолько органично, что критика замерла на губах.

Незнакомец выглядел одновременно фанатично и скорбно.

— Господи, прости этому дитя её неведение, — воскликнул он, глядя в небо. — Она не желала оскорбить Тебя!

Затем он обратился к девочке, в его голосе зазвучал суровый упрёк:

— Господь — это высшее существо. Его милосердие безгранично, и Он простит твою дерзость, но впредь никогда не сомневайся в Его присутствии.

— Я просто спросила… — Лилиан шмыгнула носом, и по её щекам покатились слёзы. Она плакала как обычный ребёнок, которого только что незаслуженно отчитали. В ней не было напускной зрелости, лишь чистая, первородная эмоция.

Камеры тут же сфокусировались на ней. Лилиан обладала тем редким даром притягивать взгляды, который невозможно натренировать.

Мальчишки в группе занервничали. Все знали, что главных героев будет четверо. Линна уже успела заявить о себе, теперь в лидеры выбилась Лилиан. Получалось, что пятеро парней проигрывали двум девчонкам, которые раз за разом перетягивали одеяло на себя.

Кто-то уже собирался сделать шаг вперёд, чтобы вмешаться, но Линна его опередила. Она буквально влетела в кадр, бесцеремонно толкнув Лилиан на землю.

— Ты мне сразу не понравилась! — Она упёрла руки в бока и презрительно фыркнула. — Трясёшься над своей драной куклой, а теперь ещё и в Господе сомневаешься? Таких, как ты, среди верующих быть не должно!

Этот выпад заставил всех вздрогнуть. Группа замерла в нерешительности: стоит ли поддержать Линну? Но тут в игру вступил Даниэль. Он нахмурился, подошёл к Лилиан и помог ей подняться, бросив на Линну строгий взгляд:

— Господь един для всех. Линна, даже если ты считаешь себя истинной верующей, Он не давал

тебе права судить и наказывать других.

— Верно! Господь бы этого не одобрил! — тут же подхватил кто-то другой, боясь упустить момент.

Режиссёр установил жёсткое правило: если кто-то рассмеётся или выйдет из образа до команды «стоп», второго шанса не будет — актёр вылетает из проекта. Это давление заставляло детей стискивать зубы и буквально срастаться со своими персонажами. Они больше не были коллегами, они стали товарищами по несчастью, выросшими в одной грязи.

Импровизация — сложнейший жанр даже для взрослых, но эти дети справлялись. Идиллия маленькой компании рухнула: в кадре разгорался конфликт интересов.

Наивная, неосознанно дерзкая Лилиан; фанатичная, вспыльчивая Линна; рассудительный и мягкий Даниэль. Эти трое создали чёткие, запоминающиеся типажи, которые не затмевали, а дополняли друг друга. Карлос на мгновение поймал себя на мысли, что из них вышла бы идеальная тройка главных героев.

Изначально предполагалось, что Карлос со своей восточной внешностью будет самым заметным звеном в команде. Но за последние дни внутренняя грызня этой троицы превратила остальных в бледный фон.

Внезапно Карлоса кто-то задел плечом, да так сильно, что он покачнулся. Он поднял глаза и встретил насмешливый взгляд одного из мальчиков. Несмотря на весь прогресс человечества, тень предрассудков всё ещё преследовала тех, кто отличался от большинства. Некоторым белым актёрам явно претило присутствие азиата на равных ролях. Его уже пытались вытолкнуть из кадра или сбить с ног во время прошлых дублей. И вот — очередная провокация.

В этот миг Карлос вспомнил мужчину, которого встретил несколько дней назад. Того, кто ненавидел Господа и задыхался от собственного бессилия.

Взглянув на спорящих детей, Карлос вдруг отстранился. Он не стал вступать в перепалку, а просто молча прошёл мимо них, направляясь вглубь декораций. Такой неожиданный манёвр — когда кто-то демонстративно покидает центр событий — не мог остаться незамеченным. Камеры невольно последовали за ним, а спорщики замолчали, переключив внимание на уходящую фигуру.

— И что этот китаец опять задумал? — пробурчал тот самый задира, что толкнул его.

— Кто его знает, — Линна потянулась. Оказавшись вне зоны видимости камер, она бросила на Карлоса мимолётный взгляд, полный уважения. Придумать такой ход, когда тебя намеренно игнорируют — это было сильно. Она усмехнулась, и эта полуулыбка, запечатлённая камерой, в контексте её прошлых слов превратилась в гримасу холодного пренебрежения, окончательно довершая образ её героини.

Даниэль лишь печально покачал головой:

— Говорят, он сирота. Наверное, жизнь его совсем ожесточила.

— Бедняжка, — вставила Лилиан.

Линна ожгла их взглядом. Ей не хотелось терять инициативу в сцене:

— Какое нам дело до него? — Она повернулась к человеку в чёрном, и её голос мгновенно стал кротким: — Когда мы отправляемся в путь?

Незнакомец склонил голову:

— Вы можете выступать в любую минуту. Помните: это испытание, ниспосланное Господом. Только те, кто не дрогнет, спасут деревню. А теперь — прощайте.

Он развернулся и ушёл в предрассветный туман.

«Испытание». Дети невольно сжали кулаки. Каждый понимал, что борьба только начинается.

http://bllate.org/book/17536/1706771